

DOI:

ИСТОРИОГРАФИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ОСЕТИНСКИХ ЖРЕЦОВ

Багаев Алан Батырбекович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-8987-8682>; alon.baga@mail.ru

В традиционном осетинском обществе одним из мужских сообществ, оказывавших влияние на жизнь всего социума, было жречество. Оно было хранителем социально значимого опыта всего общества и являлось ответственным за его систематическое воспроизведение. Жреческим сообществом была выработана особая субкультура. Некоторые аспекты этой субкультуры были зафиксированы в различные периоды разными авторами. Данная статья посвящена историографическому анализу литературы, в которой нашли отражение элементы субкультурного комплекса осетинских жрецов. В статье прослеживается развитие интереса исследователей к субкультуре осетинских жрецов в отдельные исторические периоды. В ходе исследования выявлен значительный интерес к ней в дореволюционный период. В советское время рассматриваемая проблема в значительной мере утратила свою актуальность, однако в постсоветский период тема осетинского жречества снова начала привлекать к себе внимание. В историографии проблемы наблюдается интерес исследователей главным образом к двум аспектам субкультурного комплекса осетинского жречества: осуществление или ритуальных функций во время религиозных праздников, проводившихся в различных святилищах (в особенности освещена деятельность жреца Тбай-Уацилла в Даргавской котловине), и врачевание, часто называемое знахарством. Весьма часто упоминаются в литературе гадательные практики. Во многих работах дается пояснение осетинского названия жреца «дзуарлаг» и «деканоз». Ряд авторов зафиксировали фамилии жрецов, чаще всего упоминается фамилия Гуцатә. Остальные стороны субкультуры жрецов на осетинском материале либо совсем не получили освещения, либо освещены поверхностно. Священные тексты, система обрядов (ритуалы очищения и обновления, пищевые ритуалы, ритуалы перехода) и другие сакральные знания, передававшиеся из уст в уста, отражены очень поверхностно. Такой значимый аспект субкультуры жрецов, как составление календарей, их корректировка и обнародование, совершенно не рассмотрены в анализируемой литературе.

Ключевые слова: мужские субкультуры осетин, жрец, дзуарылаг, святыни, знахарство, врачевание.

Для цитирования: Багаев А.Б. Историография субкультуры осетинских жрецов // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С. 128-138. DOI:

Введение

Мужские сообщества в традиционном обществе всегда играли большую роль. Они объединяли мужчин либо по возрастному критерию, либо по виду деятельности. Некоторые из этих объединений носили элитарный характер и могли оказывать влияние на жизнь всего общества. По этой причине исследование мужских сообществ имеет актуальный характер. Жречество в традиционном осетинском обществе представляло собой одно из таких мужских объединений. Осетинскими жрецами были установлены этнические константы, поведенческие стереотипы, ритуалы и обряды, которые стали неотъемлемой частью культуры всего общества. Комплексное исследование субкультуры жрецов позволит осветить некоторые вопросы традиционной осетинской культуры.

Несмотря на то, что субкультура жречества в осетинской этнокультурной традиции не подвергалась специальному исследованию, отдельные ее аспекты привлекали к себе внимание разных авторов. Их изыскания нашли отражение в публицистике и историко-этнографических работах.

Существующая историография рассматриваемого вопроса условно делится на три периода – дореволюционная, советская и постсоветская. Анализ работ позволяет говорить об определенной взаимосвязи между ними, что является свидетельством преемственности в развитии исследовательского интереса к изучаемой проблеме.

Историография дореволюционного времени весьма разнообразна. Взгляд на осетинское жречество авторов этого периода часто происходил через призму их социальной системы ценностей. Однако, несмотря на тенденциозность высказываний и суждений, эти работы часто богаты фактическим материалом.

Историография советского и постсоветского периодов представлена фрагментарно в работах по другой тематике. Очень часто она основывается на материалах дореволюционных авторов.

Исходя из вышеизложенного, в данной статье представлен историографический анализ работ, в которых нашли отражение разные аспекты субкультурного комплекса осетинских жрецов.

Основная часть

Специальных исследований, посвященных данной проблеме на сегодняшний день нет. Поскольку жречество играло заметную роль в духовной жизни осетинского народа в прошлом, естественно, что отдельные стороны жизнедеятельности в разной степени затрагивались в работах отечественных историков.

Большой объем этнографического материала содержится в российской дореволюционной периодической печати Кавказа. Основная часть публикаций, в которых наряду с различной этнографической информацией рассма-

тряются отдельные элементы жреческой субкультуры у осетин, появляется в различных периодических изданиях XIX в. («Тифлисские ведомости», «Кавказ», «Терские ведомости», «Северный Кавказ» и др.).

Весьма ценные сведения по рассматриваемой проблеме встречаются в работе анонимного автора «Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин» [1, 14-22]. Она была опубликована в 1830 г. в нескольких номерах газеты «Тифлисские ведомости». Несмотря на тенденциозный характер суждений анонимного исследователя, использованный им фактический материал весьма интересен и находит подтверждение в сообщениях других авторов.

В статье сообщается о некоторых функциях жреца в день проведения религиозного праздника. Несмотря на краткость, представленный материал весьма информативен. Автор называет осетинского жреца «диаконом» и отмечает, что он является хранителем той или иной церкви в горах. Далее он указывает, что в день праздника только жрец может резать жертвенных животных, доставляемых богомольцами для заклания к священному месту. Анонимный автор упоминает и о том, что жрец после принесения животного в жертву окроплял его кровью стены и преддверия храма. В более поздних работах, заметим, данный обряд уже не фиксируется. Нож для заклания жертвенного животного анонимный автор называет «священным». Жрецу вменялось принимать и хранить в святилище приношения богомольцев. Говоря об особенностях молитвы осетинского жреца, анонимный автор подчеркивает, что он возносил его громогласно [1, 15].

Важным является его сообщение о том, что осетинские святилища украшались небольшими хоругвями, которые чаще всего изготавливались из красной бумажной ткани [1, 16].

В данной публикации также сообщается о прорицателях и о способе гадания. Хоть автор и не называет прорицателя жрецом, но сам контекст сообщения и сравнение его с аналогичными сведениями других авторов не оставляют сомнений в том, что в данном случае прорицатель – это жрец-дзуарлаг. По замечанию автора: «Звание сие приобретается не по уму или какому-нибудь особенному достоинству, а передается наследственно от отца к сыну» [1, 2]. Данная статья представляет собой одну из первых работ, отражающих некоторые аспекты субкультуры жрецов в периодической печати.

Особого внимания заслуживает работа академика А.М. Шегрена «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях» [2, 52 – 80]. Она написана на основе материала, собранного автором во время экспедиции на Кавказ в 1835–1837 гг. Работа состоит из двух статей и была опубликована в 1843 г. в русском литературном журнале «Маяк», издаваемом в Санкт-Петербурге (статья первая – в томе VII, кн. XIII, гл. III, статья вторая – в томе VII, кн. XIV гл. III.). В 1846 г. данная работа частями публиковалась в нескольких номерах газеты «Кавказ» (№№ 27-30). Она содержит интересные сведения о разных элементах субкультуры жрецов. А.М. Шегрен указывает на значимость жреца во всех общественных праздниках, которые проводились в святилище. «Когда собираются все жители, каждый со своим приношением, тогда старик, облаченный в звание жреца, подходит к жертвенному и начина-

ет читать молитвы... По окончании молитвы, с разрешения жреца, начинают есть и пить принесенное, плясать, веселиться...» [2, 56-57].

А.М. Шегрен сообщает о выборности жрецов некоторых святилищ. Так, говоря о святилище Реком в Санибанском ущелье, он подчеркивает: «жрец выбирается по очереди из почетных старииков аула» [2, 58]. При этом А.М. Шегрен не сообщает, какие процедуры исполнялись при посвящении в жреческий сан. Не говорит он и о том, мог ли один и тот же жрец быть дзуарлагом разных дзуаров и существовала ли иерархия в жреческой среде. А.М. Шегрен сообщает и о существовании в осетинской этнокультурной традиции наследственных жрецов. Как правило, они происходили либо из одной семьи, либо из разных семей одной фамилии [2, 58]. В работе есть упоминание о главном жреце святилища Тбау-Уацилла в Даргавской котловине, но при этом нет даже намека на рядовых жрецов рядом с ним. Сведения о дзуарлаге Тбау-Уацилла обстоятельнее, чем данные о других жрецах. Материал А.М. Шегрена, в особенности касающийся требований к гигиене и одежде жреца, часто использовался более поздними авторами.

Важным элементом субкультурного комплекса жрецов являются гадательные практики. В работе А.М. Шегрена описаны два вида гадания. Один из них направлен на получение сведений о течении жизни всей общины в будущем году: будет ли год урожайным или нет, ожидается ли война или община ждет благополучный год. Другая гадательная практика была связана с врачеванием. Она использовалась «дзуарлагом» для выявления причины болезни. В более поздних работах вместо жреца чаще фигурирует знахарь [2, 59].

Рассматриваемая работа А.М. Шегрена весьма ценна при исследовании жреческой субкультуры у осетин. Она оказала большое влияние на представления многих авторов как дореволюционного, так советского времени об осетинском жречестве.

Интересные сведения о жреческой субкультуре осетин содержатся в работе доктора права В.Б. Пфафа «Этнологические исследования об осетинах» [3, 284-347]. Данная работа стала первым опытом систематизации историко-этнографических сведений об осетинском народе. Несмотря на определенное количество ошибочных интерпретаций, данная работа содержит ценный полевой этнографический материал. В ней есть весьма интересные сведения об осетинских жрецах. В частности, В.Б. Пфаф сообщает о том, что жрец перед отправлением в капище обращался к богомольцам с торжественной речью. Правда, он не уточняет суть и содержание текста выступления жреца. Довольно подробно в сообщении перечислены приношения, которые богомольцы, пришедшие к святилищу, передавали жрецу. В.Б. Пфаф говорит, что жрец их отбирал. Однако в действительности подношения всегда были добровольными. В.Б. Пфаф отмечает, что все приношения относились жрецом в святилище, внутри которого он возносил молитву и после выходил к народу [3, 337]. Эти и другие сведения о проведении праздника в святилище значимы при исследовании жреческой субкультуры осетин.

Важные сведения по субкультуре осетинских жрецов содержатся в статьях И.Г. Тхостова «Верования осетин» [4, 361-365] и «Знахари и знахарки в Осетии» [5, 179-181]. Обе работы были опубликованы в 1868 г. в газете «Тер-

ские ведомости». И.Г. Тхостов – выпускник Ставропольской гимназии (1859 г.), один из первых осетинских этнографов-любителей. Он является автором и других работ по этнографии осетин. Несмотря на субъективность оценок, его статьи содержат ценный этнографический материал по религиозным взглядам и обрядности осетин XIX в. В статье «Верования осетин» дано описание некоторых элементов субкультуры жрецов. Автор поясняет осетинское наименование жрецов «дзуары лагта» как «люди Дзуара». Он отмечает, что жрецы были выборными и на них возлагались обязанности распорядителей торжества в честь дзуара. Говоря о жрецах одного из осетинских святилищ (Ног Дзуар), он отмечает, что они были жрецами выборными и выбирали их задолго до праздника. И.Г. Тхостов сообщает, что жрецы были людьми прличными и опрятными. Перед днем праздника они должны были совершить омовение и облачиться в чистые одежды. В день торжества они обязаны были первыми подняться к жертвеннику и ожидать там паломников. После того как все молящиеся собирались к назначенному часу, жрецы поручали одному из присутствующих стариков начать молитву. После завершения молитвы жрецы собирали приношения, положенные паломниками на чистую бурку, и относили их на жертвенник. Все пришедшие к святому месту, выражая глубокое почитание Дзуар-у, стояли молча, с особым благоговением ждали окончания сакральной церемонии [4, 363].

Анализ работы И.Г. Тхостова показал, что весь приведенный в ней материал основан на его личных наблюдениях, что делает ее весьма оригинальной и информативной. В статье содержатся довольно четкие и однозначные сведения об осетинских жрецах.

Вторая работа И.Г. Тхостова «Знахари и знахарки в Осетии» [5, 179-181] также весьма ценна при исследовании жреческой субкультуры, так как знахарство является одним из видов деятельности жрецов. В публикации Тхостова дано описание магических приемов и обрядов, применявшихся жрецами во врачевании. Ввиду того, что данная тема вызывала значительный интерес читателей, статья в 1868 г. была напечатана в двух разных газетах. Первоначально публикация вышла в «Терских ведомостях», а через некоторое время она была размещена на страницах газеты «Кавказ».

При рассмотрении вопроса об осетинских дзуар-ах проблемы осетинского жречества коснулся и В.Ф. Миллер. В своих «Осетинских этюдах» он отметил, что в качестве жреца всегда выступал мужчина старшей возрастной группы, пользовавшийся особым уважением в обществе. Автор подчеркивает, что только жрец имел право заходить в святилище и заносить туда приношение богомольцев. В.Ф. Миллер зафиксировал фамилию (Пухов) одного из выборных жрецов и рассказал о сверхъестественном явлении, произошедшем в одном из святилищ Осетии [6, 441-442].

В советское время многие вопросы осетинской этнографии получили детальную разработку, чего нельзя сказать о субкультуре жрецов. Вероятно, это было вызвано идеологическими причинами и антирелигиозной политикой советской власти.

В советское время вопросы, связанные с осетинским жречеством, были неактуальны, ввиду чего в этнографических работах они описаны поверх-

ностно или на них вовсе не обращалось внимание. Так, А.Х. Магометов в своей фундаментальной работе «Культура и быт осетинского народа» практически проигнорировал этот вопрос. Субкультуры осетинских жрецов он касается в основном при рассмотрении лечебной магии. Он отмечает, что в дни праздников лечение больных в святилищах было обычным явлением [7, 473].

Отдельные элементы жреческой субкультуры нашли отражение в работе советского этнографа-кавказоведа Г.Ф. Чурсина «Осетины» [8, 132-232].

Так, говоря об индифферентности осетина к мировым религиям, Г.Ф. Чурсин заметил, что «он предпочитал свои «дзуары» церквам и своих деканозов и знахарей правительенным жрецам» [8, 175]. В другом месте он пишет об участии жреца в обряде вызывания дождя: «Во время засухи население собирается с деканозами-жрецами к святилищу, молятся о дожде и поливают святилище водой, чтобы вызвать воду из небес» [8, 206].

Сообщает он и об участии осетинских жрецов в лечении некоторых болезней. «Врачевателями являются также состоящие при святилищах жрецы – дзуар-лаги» [8, 212]. В принципе на этом ограничивается интерес Г.Ф. Чурсина к осетинскому жречеству.

В советский период наиболее полно элементы субкультурного комплекса жрецов отражены в работе Б.А. Калоева «Осетины» [9]. В ней исследователь использовал как личные наблюдения во время этнографических экспедиций, так и материалы предшественников – А.М. Шегрена, В.Ф. Миллера и др.

Одна из глав работы Б.А. Калоева посвящена религиозным воззрениям осетин. В той ее части, где рассматриваются осетинские дзуары, он освещает роль дзуарлæг-а на празднике Тбау-Уацилла. Используемый им в книге материал основан на его личных наблюдениях и фрагментарно на известной работе А.М. Шегрена о жреце Тбау-Уацилла [9, 352, 377].

Заслуживает внимания воспроизведение Б.А. Калоевым картины участия жреца в жертвоприношении в святилище Саниба [9, 372-373]. При рассмотрении праздника «Дзири дзуар» исследователь иллюстрирует деятельность жреца во время торжеств. Он сообщает, что люди, пришедшие к святилищу, первоначально делились по селам и стояли около принадлежащих каждому селению домиков. Затем жрец их призывал, и после вознесенной им молитвы они приступали к ритуальному пиршеству [9, 375].

Есть в работе Б.А. Калоева определенные недостатки, а иногда явные иска-
жения материала из дореволюционных работ. Так, при описании культа Фал-
вара он пишет о жреце следующее: «На кувде дзуарылаг произносил молитву,
в которой говорилось: “Ты голова наших овец, умножай их так, чтобы самый
бедный семьянин в лучшие дни свои имел жертвенных животных (кусæртæг-
тæ)» [9, 357]. При этом он ссылается на известную работу Б. Гатиева «Суеве-
рия и предрассудки осетин» [10, 42]. Однако при сравнении с оригиналом эту
молитву произносит не жрец, а старая женщина. Сама молитвенная формула
приведена в работе Б. Гатиева совершенно в другом контексте [10, 42].

В постсоветское время интерес к осетинскому жречеству и его субкульту-
туре несколько возрос. Однако повышенное внимание не привело к появлению
специальных исследований по данной проблеме.

Некоторые элементы субкультуры осетинских жрецов нашли отраже-

ние в работе В.С. Уарзиати «Праздничный мир осетин» [11, 16–253]. Так, при описании праздника Тбау-Уацилла в Даргавской котловине он рассказывает о посещении святилища в первый день жрецом Иласом Гуццаты с группой помощников [11, 89]. Последовательно излагая участие жреца в религиозных торжествах, В.С. Уарзиати отмечает, что в четверг и пятницу праздничной недели Тбау-Уацилла в Даргавскую котловину приезжало много паломников. В эти дни жрец Илас Гуццаты принимал их в своей фамильной святыне Гуццаты *найфат*. Заклание жертвенных животных осуществляло сам жрец [11, 90–91].

В.С. Уарзиати был одним из первых исследователей новой волны. Занимаясь реконструкцией традиционного мировоззрения, он интересовался разными аспектами субкультуры осетинских жрецов.

Затрагивает проблему осетинского жречества и Р.Г. Дзаттиаты в своей монографии «Культура позднесредневековой Осетии» [12]. Данная работа, главным образом, опирается на материал, полученный автором во время полевых археологических работ в 1966–1989 гг. в ходе экспедиций Юго-Осетинского научно-исследовательского института. В книге довольно много ценного материала по духовной культуре осетинского народа, в том числе затронута субкультура жрецов в традиционном осетинском обществе. Так, Р.Г. Дзаттиаты весьма точно отмечает существование у осетин как выборных, так и наследственных жрецов. В работе не указывается, в каких святилищах были жрецы наследственные, а в каких – выборные. Весьма интересно было бы узнать и фамилии наследственных жрецов. Р.Г. Дзаттиаты отмечает факт, что жрецы пользовались уважением и почетом в осетинском обществе. Также им весьма точно подмечено, что в день празднования дня покровителя того или иного святилища именно жрецы их были главными распорядителями в молении и на ритуальном пиршестве. Однако трудно согласиться с его мнением о том, что *дзуарлаги* ничем не выделялись из общей массы.

Интересная энциклопедическая статья об осетинских жрецах написана Х.Ф. Цгоевым [13, 147–148]. Им определяются основные функции жреца в традиционном осетинском обществе, дается описание одного из вариантов обряда выбора жреца. Кроме того, в статье упоминаются фамилии некоторых жрецов. Так, Х. Цгоев отмечает, что жрецами святилища «Дзивгисский Уастырджи» являются Елкановы [13, 147]. Он отмечает, что жрецами становились, как правило, люди, которые были благословлены самим *дзуаром*.

Отдельные вопросы жреческой субкультуры освещены в фундаментальном труде известного этнографа Л.А. Чибирова «Традиционная духовная культура осетин» [14]. По его мнению, жрец в традиционном осетинском обществе был личностью неприкосновенной, так как члены общины из-за страха перед божеством не смели проявлять даже малейшего неуважения к служителю его культа. Л.А. Чибиров на основе полевого материала и свидетельств дореволюционных авторов дает общее представление о костюме жреца. Также он говорит о том, что должность жреца была наследственной [14, 203].

Л.А. Чибиров отмечает, что жрецы при святилищах занимались врачеванием [14, 200]. Рассмотрены им и некоторые способы врачевания [14, 203]. Автор сообщает весьма ценные сведения, которые собраны им в ходе полевых этнографических экспедиций и не встречаются в других работах. Материалы

освещают ранее не исследованные аспекты жреческой субкультуры. В частности, Л.А. Чибиров указывает на факт использования во время «терапии» осетинскими жрецами гипноза. Подчеркивает, что при определении причины болезни жрец-лекарь прибегал к «помощи» давно умерших предков» [14, 203].

В примечании к слову «дзуарыләг» Л.А. Чибиров отмечает, что «части южных осетин дзуарыләг был известен и под грузинским названием деканоз» [14, 91]. Однако слово «деканоз» как обозначение жреца известно и северным осетинам. Так, Б.А. Калоев жреца Цейского Рекома называет «деканоз» [9, 369].

В последнее время в научный оборот вводятся новые материалы, которые дополняют и расширяют существующие знания по рассматриваемой проблеме. Так, в статье А.В. Дарчиева «Материалы о культовом комплексе Мигъдәу в научном наследии Е.Г. Пчелиной» введены в научный оборот материалы из архива известного советского археолога и кавказоведа Е.Г. Пчелиной [15, 163–189]. Благодаря этому прояснился вопрос о смене одной жреческой фамилии другой. Долгое время жрецом святилища *Мигъдәудзуар* становился самый старший мужчина из фамилии Дзугаевых, даже в том случае, если он был моложе старииков из других фамилий, почитавших данное сакральное место. После ухода родственного коллектива Дзугаевых из Урсдонского ущелья, а затем смерти последнего жреца из этой фамилии функции дзуарлаг-а *Мигъдәудзуар* перешли к Амбаловым, находившимся в близком кровном родстве с Дзугаевыми [15, 176]. Благодаря введению данных материалов в научный оборот стали известны еще две осетинские жреческие фамилии.

Историографический анализ литературы также позволяет судить о том, что жреческой деятельностью занимались только мужчины. Несмотря на существование женских дзуар-ов, в этнографической литературе нет даже упоминания о служительницах культа женского пола.

Заключение

Таким образом, историографический анализ показал интерес к двум аспектам субкультурного комплекса осетинского жречества: осуществление ими ритуальных функций во время религиозных праздников, проводившихся в различных святилищах, и врачевание, часто называемое в источниках знахарством. Нередко в литературе упоминается и о гадательных практиках жрецов. Остальные стороны субкультуры жрецов на осетинском материале либо совсем не получили освещения, либо рассмотрены фрагментарно. Как известно, во многих традиционных обществах жрецы являются хранителями особых знаний. В литературе об осетинском жречестве сакральные знания, молитвы, гимны, ритуалы, проводившиеся в различных жизненных ситуациях, получили лишь поверхностное освещение. Совершенно не нашел отражения в источниках образовательный аспект жреческой субкультуры. Требует изучения вопрос о способах и методах передачи жреческих знаний и компетенций молодому поколению. Одним из основных видов деятельности жрецов было составление, корректировка и обнародование календаря. Он напрямую связан с их религиозными обязанностями, так как именно они отвечали в общине за определение дней для проведения тех или иных праздников. Точный

календарь нужен был для определения времени и других важных событий в жизни общества, например, начало и окончание сельскохозяйственных работ. Жрецы должны были определить благоприятные или неблагоприятные дни для проведения тех или иных общественно значимых действий.

Надо отметить, что и те аспекты жреческой субкультуры осетин, которые нашли отражение в литературе, требуют более глубокого изучения.

1. Анонимный автор. Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 1. Цхинвал: Ирыстон, 1981. С. 14–22.
2. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 1. Цхинвал: Ирыстон, 1981. С. 52–80.
3. Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 7. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. С. 284–338.
4. Тхостов И.Г. Верования осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 2. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. С. 361–365.
5. Тхостов И.Г. Знахари и знахарки Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 1. Цхинвал: Ирыстон, 1981. С. 179–181.
6. Миллер Вс.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. 715 с.
7. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
8. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // Труды Закавказской научной ассоциации. Тифлис: [б.и.], 1925. С.132–232.
9. Калоев Б.А. Осетины. 4-е изд. М.: Наука, 2009. 471 с.
10. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис: Тип. Главн. управления Наместника Кавказского, 1876. Отд. III. С. 1-83.
11. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Т.1. Владикавказ: Абета, 2017. 552 с.
12. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.
13. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. 2-е изд. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 753 с.
14. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
15. Дарчиев А.В. Материалы о культовом комплексе Мигъдæу в научном наследии Е.Г.Пчелиной // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 45 (84). С. 163–189. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009

Статья поступила в редакцию 16.10.2025,
принята к публикации 24.11.2025,
опубликована 25.12.2025.

Bagaev, Alan B. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ethnology Department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-8987-8682>; alon.baga@mail.ru

HISTORIOGRAPHY OF THE SUBCULTURE OF OSSETIAN PRIESTS.

Keywords: male subcultures of Ossetian, priest, dzuarylāg, sanctuary, sorcery, healing.

In the traditional Ossetian society, one of the male communities that influenced the life of the whole society was the priesthood. The priesthood was the custodian of the socially significant experience of the whole society and was responsible for its systematic reproduction. The priestly community developed a special subculture. Some aspects of this subculture were recorded by different authors in different periods. This article is devoted to the historiographical analysis of literature, in which elements of subcultural complex of Ossetian priests were found. The article traces the development of researchers' interest in the subculture of Ossetian priests in different historical periods. The study revealed a significant interest in the subculture of Ossetian priests in the pre-revolutionary period. In the Soviet period, the problem considered has largely lost its relevance, but in the post-Soviet period, the topic of Ossetian priesthood began to attract attention again. In the historiography of the problem, researchers are interested mainly in two aspects of the subcultural complex of the Ossetian priesthood: their performance of religious and ritual functions during religious holidays held in various sanctuaries (The activities of the priest of Tba'a-Huacilla in the Kfar Dargava are particularly highlighted); healing, often referred to as witchcraft. Very often mentioned in the literature of guardianship practices. In many works the explanation of the Ossetian name of the priest «dzuarlag» and «decanoz» is given. A number of authors have recorded the surnames of priests, most often mentioned the surname Guccat. The other parts of the subculture of the priests in the Ossetian material have either not been illuminated at all, or are covered on the surface. Sacred texts, ritual systems (purification and renewal rituals, food rituals, transition rituals) and other sacral knowledge passed from mouth to mouth are reflected very superficially. Such a significant aspect of the subculture of priests as the creation of calendars, their adjustment and disclosure are not considered in the literature under analysis.

For citation: Bagaev, A.B. Historiography of the Subculture of Ossetian Priests. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp.128-138 (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Anonimnyi avtor. *Veroispovedanie, sueveriya, obryady, pravlenie, obychai i nrayv osetin* [Religion, Superstitions, Rituals, Government, Customs, and Morals of the Ossetians]. Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh [Periodical Press of the Caucasus on Ossetia and the Ossetians]. Tskhinval, Iryston, 1981, b. 1, pp. 14–22.

2. Shegren, A.M. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh sоплеменников pri raznykh sluchayakh* [Religious Rituals of the Ossetians, Ingush, and Their Compatriots on Various Occasions]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical Press of the Caucasus on Ossetia and the Ossetians]. Tskhinval, Iryston, 1981, b. 1, pp. 52–80.
3. Pfaf, V.B. *Etnologicheskie issledovaniya ob osetinakh* [Ethnological Research on the Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical Press of the Caucasus on Ossetia and the Ossetians]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2014, b. 7, pp. 284–338.
4. Tkhostov, I.G. *Verovaniya osetin* [Ossetian Beliefs]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical Press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, vol. 2, pp. 361–365.
5. Tkhostov, I.G. *Znakhari i znakharki Osetii* [Ossetian Healers]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical Press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians]. Tskhinval, Iryston, 1981. b. 1, pp. 179–181.
6. Miller, Vc.F. *Osetinskie ehtyudy* [Ossetian Sketches]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1992. 715 p.
7. Magometov, A.Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and Life of the Ossetian People]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 568 p.
8. Chursin, G.F. *Osetiny. Etnograficheskii ocherk* [Ossetians. Ethnographic essay]. *Trudy Zakavkazskoi nauchnoi assotsiatsii* [Transactions of the Transcaucasian Scientific Association]. Tiflis, 1925, pp. 132–232.
9. Kaloev, B.A. *Osetiny* [Ossetians]. 4th ed. Moscow, Nauka, 2009. 471 p.
10. Gatiev, B. *Sueveriya i predrassudki osetin* [Superstitions and Prejudices of Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Iss. IX. Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1876, section III, pp. 1-83.
11. Uarziati, V.S. *Izbrannye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected Works. Ethnology. Cultural Studies. Semiotics]. Vladikavkaz, Abeta, 2017, vol. I. 552 p.
12. Dzattiaty, R.G. *Kul'tura pozdnesrednevekovoi Osetii* [The Culture of Late Medieval Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 432 p.
13. Tsgoev, Kh.F. *Slovar' osetinskoi mifologii i uklada zhizni* [Dictionary of Ossetian Mythology and Way of Life]. 2nd ed. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017. 753 p.
14. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.
15. Darchiev, A.V. *Materialy o kul'tovom komplekse Mig'daeu v nauchnom nasledii E.G.Pchelinoi* [Materials on the Migdæu Cult Complex in the Scientific Heritage of E.G. Pchelina]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 45 (84), pp. 163–189. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009

The article was submitted 16.10.2025,
accepted for publication on 24.11.2025,
published 25.12.2025.